

Себастьян Аларкон:

«Вместе с вами горюю и радуюсь»

Мир тесен: известного чилийского кинорежиссера Себастьяна Аларкона, снявшего в Советском Союзе шесть игровых лент, в последние годы судьба связала с нашим земляком ашхабадцем Анатолием Ивановым. Оператор, работающий ныне на «Мосфильме», один из создателей знаменитой туркменфильмовской картины «Невестка», за которую вместе с группой коллег был удостоен Государственной премии СССР. С восторженных слов о виртуозе-операторе, прошедшем творческую школу в Туркменистане и стоявшем за камерой на съемках картин С. Аларкона «Ягуар» и «История одной бильярдной команды», началось интервью корреспондента Туркмениформа с гостем Ашхабада. Он приехал в столицу республики для творческих встреч со зрителями.

— Впрочем, — припоминает собеседник, — есть еще одна ниточка в вашу республику. Перед началом съемок «Ягуара» предполагалось участие в нем еще одного ашхабадца — Мурада Алиева, которого как-то встретил в Москве. Этого режиссера-документалиста я тогда пригласил на одну из ролей в своем фильме. Очень подходила его внешность. Но что-то тогда помешало... Живя в Москве, испытываешь трудности с латиноамериканским типажом. В моих фильмах снимались кавказцы, молдаване... Может, и здесь в Ашхабаде найду исполнителей для новых картин.

Из своих 39 Аларкон, сохраняя чилийское гражданство, почти 20 лет живет в Советском Союзе. Надвое судьбу расколол день 11 сентября 1973 года, когда на его родине произошел фашистский переворот, и власть захватил Пиночет. Путь домой был отрезан... Но он по сей день борется оружием своей профессии — кинематографа. Выпускник ВГИКа, поддержанный своим мастером-педагогом Л. Кристи, писателем К. Симоньевым, кинопублицистом Р. Карменом, Себастьян Аларкон языком искусства экрана первый рассказал миру суровую и страшную правду о зверствах хунты и мужестве, негибаемости чилийского народа. Картины С. Аларкона не раз удостоивались призов международных кинофестивалей.

— Себастьян, как складывалась ваша жизнь до прошедшего в ней водораздела?

— Я из семьи среднего достатка, родом из провинции Вальпарансо. Родители хотели видеть меня священником. Но из колледжа, где готовили служителей культа, меня очень быстро отчислили «за утрату веры». Говорю об этом потому, что именно благодаря общению к религии я приблизился... к кино. Фильмы для будущих священников составляют единственный контакт с миром. Я стал киноманом, фанатиком кино... Поступил в киношколу при

университете в Сантьяго. Но был бурный политический период, мы больше участвовали в демонстрациях, чем учились. Тогда-то мои бывшие учителя по лицу, которые — я-то и не знал этого раньше! — были коммунистами, помогли через существовавшее в те годы общество «Чили—СССР» поехать учиться в Советский Союз. 13 августа 1969 года с 25 соотечественниками мы ступили на советскую землю.

— Судя по фильмам, боль за судьбу родины с годами не затухает...

— События 1973 года — это был шок... К тому времени я уже кое-что смыслил в политике. Но по-человечески ни душой, ни разумом этот кровавый переворот понять было нельзя. В Советскую страну стали прибывать чилийские беженцы, прошедшие лагеря. Их рассказы были страшны и невыносимы. Мучила неизвестность: что с близкими? Позже выяснилось: отца арестовали только за то, что его сын учится в СССР. К счастью, ему удалось освободиться. С тех сентябрьских дней я совсем иначе стал смотреть на свою родину, острее ощущать свое гражданское предназначение. Тогда, еще в стенах ВГИКа, по горячим следам событий в Чили я сделал короткометражный фильм «Первая страница». Эта студенческая работа демонстрировалась на международных кинофестивалях и получила Гран-При в Тампере (Финляндия), Оберхаузене (ФРГ). А главное — картина открыла двери в кинематографический мир. Конечно, я понимал, что в успехе первой ленты многое определялось общечеловеческой солидарностью с чилийским народом, симпатией к чилийцам, которые вдалеке от родины пытались облегчить ее судьбу. Теперь предстояло доказать и профессиональный уровень. «Ночь над Чили» — первая полнометражная лента — имела хорошую прессу, получила специальный приз Московского международного кинофестиваля. Не могу пожаловаться и на

судьбу других фильмов. «Ягуар», например, посмотрели 18 миллионов зрителей.

— Непросто оставаться чилийским кинорежиссером, живя даже в другом полушарии. Наверное, такое положение драматично для художника...

— Я безгранично благодарен судьбе; что в Советской стране обрел язык как режиссер. Но — и, думаю, это поймет каждый — вероятно тяжело делать фильмы не на своем языке. Заранее идешь на некоторую условность, обеднение мысли. Ведь уходят нюансы и языка, и мироощущения, которые понятны лишь твоему народу. На почве другой страны воссоздать все очень трудно. И все же в свои фильмы я всегда стремился вложить не только чилийские или латиноамериканские, но общечеловеческие проблемы. К примеру, в «Падении кондора» это тема власти, в «Выигрыше одинокого коммерсанта» — конформизма, в «Ягуаре» — неустановившихся отношений в армии, о чем в последнее время много говорят и пишут в Союзе.

— В вашей новой ленте — кинопритче «История одной бильярдной команды», которую вы, Себастьян, привезли показать ашхабадским зрителям, тоже напрашивается широкое толкование увиденного... В ней много боли за сегодняшнее состояние советского общества.

— Работа в творческом объединении «Союз» на «Мосфильме» очень сблизил меня с А. Адабашьяном, единым во многих лицах: он и художник, актер, и очень талантливый, глубоко мыслящий сценарист. Наше содру-

жество, если иметь в виду и мои 20 лет, прожитые в Союзе, не могло не родить размышлений о болевых проблемах Советской страны. Правда, они идут подтекстом в трагикомедии, разворачивающейся на фоне будто бы латиноамериканской деревушки. Кстати, все эти годы я веду образ жизни рядового советского человека, не пользуясь никакими привилегиями для иностранцев вроде специальных магазинов и отдельного жилья. Долго жил в коммуналке и, между прочим, вспоминаю это время как самое счастливое. Именно тогда мне открылась уникальная доброта и сердечность советских людей. Но вот со временем что-то стало меняться... Накопилось много проблем, которые не решались своевременно. Вместе с вами я горюю и радуюсь. И, думаю, это дает право и в творчестве вплотную подойти к советской проблематике.

— Давно ли вы были на родине?

— Все эти 20 лет в Чили на моем досье стоит слово «листадо», что означает запрещение на въезд. Но понемногу ситуация меняется: благодаря движению мировой ответственности хунта уже не может так безоговорочно, как прежде, противопоставлять себя всему миру. Недавно наше чилийское землячество в Москве проводило на родину вдову Сальвадора Альенде и семью Луиса Корвалана, ряд других чилийских патриотов. Поэтому я полон надежды, что в этом году увижу Чили...

Е. ПРИХОДЬКО,
к.р. Туркмениформа.
(Специально для «Туркменской искры»).

Фото Ю. ШКУРИНА.